

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ФИЛОСТОРГИЙ —
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЕРЕТИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

Острая борьба между представителями различных религиозных течений в христианстве неминуемо должна была привести к появлению церковной историографии еретического характера. И действительно, наряду с ортодоксальными церковными историками сохранились, правда иногда не полностью, сочинения арианского, несторианского и монофиситского направлений. Для исследователей они представляют особый интерес, отражая идеологию весьма многочисленных и активных еретических кругов, решительно противостоящих ортодоксальной церкви. Эти произведения являются живым памятником острейших идейно-религиозных и политических столкновений в империи в период становления и окончательного оформления идеологии победившего в конечном счете ортодоксального христианства. Однако именно в силу неортодоксальности этих сочинений они длительное время оставались в тени и предавались забвению или даже всячески третировались в церковной историографии нового и новейшего времени.

Такая судьба, в частности, постигла бесспорно выдающееся для своего времени произведение талантливого представителя и защитника арианской ереси церковного писателя Филосторгия. Сочинение Филосторгия дошло до нас в большей своей части лишь в переложении патриарха Фотия, который, хотя и достаточно подробно изложил его содержание, сам был враждебно настроен в отношении еретического писателя и сурово осуждал его за приверженность к крайнему направлению в арианстве — ереси евномиян. Сквозь призму фотиевского негативного отношения к евномиянцу Филосторгию воспринимало его «Церковную историю» и большинство позднейших ортодоксально настроенных исследователей. Лишь сравнительно недавно началось серьезное изучение Филосторгия, издание всех фрагментов его труда, сохранившихся у Суды, в арианской житийной литературе, в сочинениях Иоанна Дамаскина, в «Житии Константина». Вместе с тем началась и фактическая реабилитация этого талантливого автора, признание правдивости его труда, ценности собранных им сведений, достоверности образов видных церковных и политических деятелей его времени. Труд Филосторгия, наконец, обрел свое место в ряду других церковных историй, что помогает получить более полное представление о развитии церковной историографии ранней Византии¹.

Реабилитации Филосторгия как писателя особенно помогло открытие П. Гезелером неизвестного ранее нового текста «Жития Константина» (*Vita Constantini*). В это сочинение органически вошли значительные фрагменты из произведения Филосторгия. Совершенно оригинальная оценка личности императора Константина, выдающиеся литературные

¹ *Philostorgius*. Kirchengeschichte/ Ed. J. Bidez. B., 1972 (далее: *Philostorg.*), S. 364—393.

достоинства памятника, тесно связанного с Филосторгием, помогают по достоинству оценить этого самобытного и незаурядного церковного историка ранней Византии ².

Филосторгий родился в Каппадокии около 368 г. в семье, исповедовавшей крайнее арианство — евномианство. По собственным словам писателя, его отец, Картерий, принадлежал к сторонникам учения Евномия. Его мать, Евлампия, дочь православного священника Анисия, приняла вслед за мужем евномианство и сумела привлечь на сторону этого учения отца, братьев и других родных. Она воспитала в евномианском духе и своего сына Филосторгия ³.

В возрасте около 20 лет Филосторгий приехал в Константинополь, где и завершил образование. Полученные им знания отличались широтой и разносторонностью. Именно в столице произошла его встреча с основателем нового вероучения Евномием, которая произвела на будущего историка неизгладимое впечатление. Одаренный тонкой наблюдательностью и умом, пылкий и экзальтированный юноша попал в гущу религиозных споров. Он много путешествовал, совершил паломничество в Палестину, посетил Антиохию, затем Египет, побывал в Александрии. Путешествие в Палестину Филосторгий, по-видимому, совершил после первого пребывания в Константинополе. В столице империи Филосторгий бывал несколько раз. Именно здесь он и написал последние строки «Церковной истории» ⁴.

Дальние путешествия, участие в религиозной борьбе, встречи с различными, порою выдающимися людьми значительно расширили научные познания Филосторгия и обогатили его жизненный опыт. В своем труде писатель обнаружил достаточную осведомленность как в философии и теологии, так и в естественных науках той эпохи. Он проявлял интерес к спекулятивным построениям и спорам. Вместе с тем он знал астрономию, интересовался медициной, имел особую склонность к географии. Его труд изобилует описаниями, отражавшими географические представления того времени. Особенно интересуют его дальние экзотические страны, варварские народы, диковинные звери, причудливые растения далекой Африки, Индии и островов Индийского океана. Рассказ Филосторгия о христианской миссии в Химьяр и Аксум под руководством арианина Феофила, прозванного Индийцем, и описание владений химьяритов и аксумитов принадлежат, на наш взгляд, к лучшим страницам сочинения Филосторгия ⁵.

Любопытно описание Филосторгием экзотических животных, которых он сам видел в Константинополе: они были присланы в дар византийским императорам правителями Индии, Африки и других дальних стран. Среди них Филосторгий упоминает величавых слонов, огромных быков — яков, называемых таврелефантами, необычайных размеров змей — удавов, единорогов, диких ослов, зебр с черными и белыми полосами на теле, жирафов, прозванных камелопардами за сходство одновременно с верблюдом и леопардом, и, наконец, множество различных видов обезьян.

Для мировоззрения Филосторгия характерно стремление дать реалистическое объяснение некоторым мифологическим представлениям древних греков. Он не верит греческим мифам — и как истинный христианин, и как вдумчивый наблюдатель природы. Так, мифический сатир — это обожествленная обезьяна-пан, соединявшая черты козла и обезьяны, а прославленный Сфинкс, наводивший ужас на жителей беотийских Фив, — разновидность свирепой человекообразной обезьяны с лицом и грудью женщины и покрытым шерстью туловищем, которое изображение греков превратило в тело льва и наделило крыльями из-за способности

² Ibid.

³ Ibid., IX, 9.

⁴ Ibid., X, 6.

⁵ Ibid., III, 4—11.

молниеносно нападать на свою жертву. Привезенный в Фивы, этот дикий и коварный зверь нападал на людей, и Эдип, умертвив страшное животное, приобрел себе славное имя. Рассказ же о загадках Сфинкса, задаваемых Эдипу, объясняется тем, что этот зверь издавал голосом, похожим на человеческий, невнятные звуки, поэтому греки и наделили его даром загадочной речи ⁶.

Чудесен и разнообразен мир пернатых обитателей южных стран. Филосторгий верит, что именно там живет знаменитая птица Феникс. А болтливых попугаев, искусно подражавших человеческой речи, и разноцветных птиц, называемых гарамантами, привезенных в Константинополь, автор видел своими глазами. Чистый воздух и благоприятный климат создают условия для произрастания великолепной растительности, плодородия. Земля рождает прекрасные плоды, в том числе огромные орехи (скорее всего, кокосовые), а урожай снимается дважды в год. Главным же богатством этих стран было золото, в изобилии добываемое из золотосных жил ⁷. Несколько обобщенная картина экзотической природы не позволяет выделить особенности отдельных регионов, но можно предположить с достаточной долей вероятности, что Филосторгий имел в виду в своем рассказе области Африки, так называемую «Счастливую Аравию» и Индию ⁸.

Сведения Филосторгия о флоре и фауне этих стран во многом совпадают с рассказом о них Космы Индикоплова в его «Христианской топографии» ⁹.

Филосторгий, человек, безгранично преданный христианству и непримиримый враг язычества, одновременно обнаруживает знания в области естественных наук, базировавшихся на достижениях античности. Ему были известны античные теории происхождения землетрясений, он воспроизводит представления современников о затмениях солнца, кометах, подземных водах ¹⁰. С уважением рассказывает Филосторгий о знаменитой ученой женщине Ипатии, которая превосходила многих современников, в том числе и своего отца, Феона, познаниями в астрономии и математических науках. В царствование императора Феодосия Младшего она была растерзана сторонниками православия ¹¹. Хотя, по мнению писателя, все природные явления и действия людей зависят от божественного промысла.

При всей широте познаний и высокой образованности Филосторгий, как и его учителя, был человеком своего времени и разделял его заблуждения, в частности был склонен к мистицизму и суевериям.

Несмотря на то, что «Церковная история» Филосторгия дошла далеко не полностью, ее содержание поддается реконструкции с достаточной долей определенности. Ценным дополнением к ранее известным фрагментам Филосторгия, как уже упоминалось, является новый вариант «Жития Константина» ¹².

Сочинение Филосторгия охватывает довольно обширный отрезок времени от правления Константина I до 425 г., или, иными словами, до провозглашения малолетнего Валентиниана III императором Западной Рим-

⁶ *Philostorg.*, III, 11.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951, с. 141—143.

⁹ *Cosmas Indicopleustes.* The christian topography/ Ed. by Winstedt. Cambridge, 1909, p. 318—319.

¹⁰ *Philostorg.*, X, 8—10.

¹¹ *Ibid.*, VIII, 9.

¹² Новое «Житие Константина», как полагают исследователи, написано на основе первых двух книг «Церковной истории» Филосторгия. Однако отрывки из сочинения Филосторгия не всегда представлены здесь в чистом виде. Между трудом Филосторгия и «Житием Константина», вероятно, существовал ряд промежуточных произведений, которые использовал анонимный автор Жития, хотя часть фрагментов из «Церковной истории» Филосторгия воспроизводится полностью. См.: *Philostorg.*, p. 364—365, 373.

ской империи. Сочинение Филосторгия написано не позднее 425 г., поскольку события этого года еще упоминаются в нем. Вместе с тем к 433 г. труд Филосторгия был уже закончен, так как в нем нет упоминаний о грандиозном пожаре, происшедшем в том году в Константинополе. Сообщение об этом пожаре, если бы автор дожил до него, думается, органично вписалось бы в общую картину бедствий империи, которой завершается исторический труд Филосторгия. Следовательно, «Церковная история» Филосторгия написана немного ранее параллельных ей церковных историй ортодоксальных авторов Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита Киррского.

Характер изложения и материал, собранный в «Церковной истории» Филосторгия, свидетельствуют о том, что она была написана, скорее всего, в Константинополе. Во время создания своего труда историк, несомненно, пользовался богатой библиотекой. Он изучил произведения Иосифа Флавия, Флегона и Диона, знал сочинения Евсевия Памфила, Григория Назианзина, Василия Кесарийского и Аполлинария Лаодикейского. Он использовал письма Афанасия Александрийского, императоров Константина и Констанция, церковных деятелей Татиана, Евдоксия, Евзоя и других. Им привлечены акты церковных соборов, канонические и неканонические сочинения, апокрифы. Очень важно, что он использовал и сочинения ариан, письма Евномия и Демофила. «Церковная история» Филосторгия состояла из 12 книг, начальные буквы этих книг соединялись как бы в акrostих и составляли имя автора — Φιλοστόργιος.

По своим религиозным взглядам Филосторгий, как сказано, был страстным евномианином, принимая философско-богословскую систему своего учителя. В христологических спорах того времени он был на стороне защитников «подобносущия». Как и Евномий, он считал, что хотя сын и подобен отцу (ὁμοιος τῷ πατρί), однако он не единосущен (ὁμοούσιος) и не равного существа (ὁμοιούσιος) ¹³⁻¹⁵.

Филосторгий хвалебно отзывается об основателе арианского учения Арии, но вместе с тем подчеркивает расхождения между Арием и Евномием, поддерживая концепцию последнего. Арий, как известно, разделял божественную и человеческую природу в Христе и считал сына сотворенным отцом. Признавая главный догмат ариан об «иносущии» Христа, Филосторгий порицает Ария за доктрину непознаваемости, непостижимости и немислимости бога. «И если бы таким почитал его только для людей, зло было бы, может, небольшое, а то и для самого едиnorodного сына божьего» ¹⁶. Филосторгий указывает, что для Ария тайна рождения сына доступна только отцу. Историк подчеркивает различие мнений, царящее среди ариан, и акцентирует внимание на расхождениях между арианами и евномианами как в догматических вопросах, так и в обрядах ¹⁷. Сам же Филосторгий убежден, что тайну Троицы можно постигнуть. В познании мира и божества его не сдерживают границы непознаваемого и неисследованного ¹⁸.

Главными действующими лицами «Церковной истории» Филосторгия всегда являются еретики — евномиане и ариане. Писатель не только выдвигает их на первый план исторической драмы, но и оценивает деятельность того или иного церковного и государственного деятеля с позиций

¹³⁻¹⁵ Ibid., VI, 1. Филосторгий так излагает учение Евномия: «Тут открылось, что в своих беседах он не только не представляет сына неподобным отцу, но еще смело, согласно писаниям, называет его подобным и не допускает только подобия по существу, считая равным богохульством как называть сына подобносущим отцу, так и не признавать его подобнейшим в тех отношениях, какие должны быть между едиnorodным богом и бесстрастно родившим отцом». И далее, по словам Фотия, Евномий утверждал, что сын — раб и служитель отца, а святой дух — раб и служитель сына (VI, 2).

¹⁶ *Philostorg.*, II, 3.

¹⁷ Ibid., X, 2—4.

¹⁸ Ibid., I, 2; II, 3.

своей церковной партии. Критерием оценки при этом всегда служит их отношение к евномианскому вероучению.

Центральной темой исторического сочинения Филосторгия, его лейт-мотивом является история истинной, с его точки зрения, евномианской церкви. Именно она противопоставляется, с одной стороны, язычеству, с другой — «неправой» никейской ортодоксальной церкви, защищающей догмат единосущия отца и сына.

Свою задачу писатель выполняет со всей горячностью фанатичного еретика, даря единомышленникам пламенную любовь и восхищение, выражая презрение и ненависть всем врагам своей веры. Недаром ортодокс Фотий называет Филосторгия Какосторгием и характеризует его произведение как энкомий еретикам и хулу православным¹⁹.

Для религиозных и политических взглядов Филосторгия весьма показательно, что композицию его произведения определяют крупные события из истории именно евномианской ереси. Детальное описание событий относится ко времени, когда евномиане отделились от арианской церкви и превратились в самостоятельное религиозное течение. Так, первый том его сочинения, состоявший из шести книг, завершился возвращением из ссылки видного сторонника евномианской ереси Аэция²⁰. История евномианской церкви дается со всеми деталями, с именами церковных иерархов и характеристикой их религиозных взглядов. С поражением же евномиан повествование делается более суммарным, со страниц книги исчезают имена даже архиепископов Рима, Константинополя, Антиохии и Александрии, не говоря уже об епископах отдельных епархий. Даже имя Иоанна Златоуста не упоминается в сохранившихся фрагментах.

Автор «Церковной истории» ведет полемику против идеи «единосущности» и подвергает резкой критике жизнь и деятельность основателя этого учения и главного противника Ария — Афанасия Александрийского. Сторонники догмата «единосущности», по мнению Филосторгия, были виновниками различных бед, обрушивавшихся на христианскую церковь и Римскую империю. Он рассматривает их как своих главных врагов. Подобно тому как в ту эпоху ярые сторонники никейского вероисповедания всех своих противников называли арианами, Филосторгий всех тех, кто не разделял его веру, называл «гомоусианами» (сторонниками идеи единосущности).

Филосторгий, как и Евномий, был убежден, что люди могут и должны прийти к познанию тайны троичности божества. По его понятиям, не могло быть двух правд и нескольких формул, определяющих сущность Христа. Как у человека существует одна голова, так существует и только одна божественная истина²¹. Высоко ценя церковного историка Евсевия Памфила, Филосторгий все же упрекает его за тезис о непознаваемости бога²².

Религиозно-философская позиция Филосторгия, естественно, полностью определила направление его исторического сочинения. Люди и события, которые проходят длинной чередой перед читателем его «Церковной истории», оцениваются с точки зрения непреклонного и последовательного евномианина. Это относится прежде всего к церковным деятелям, но в значительной степени — и к правителям империи. Главными героями его труда были Евномий и его учитель Аэций. Оба они, по существу, основали евномианскую церковь. Третий выдающийся соратник этих ересиархов — Феофил Индиец — стоит чуть ниже в созданной автором евномианской иерархии. Встреча Филосторгия с Евномием в Константинополе, как мы знаем, была наиболее важным событием его юности и определила всю его дальнейшую жизнь. Филосторгий, рисуя портрет

¹⁹ Ibid., Praef.

²⁰ Ibid., VI, 7.

²¹ *Philostorg.*, I, 2; II, 3.

²² Ibid., I, 2.

своего учителя, превозносит его до небес. К сожалению, в передаче непримиримого ортодокса Фотия краски на этом портрете сильно тускнеют. Несмотря на это, Филосторгий воссоздает как внутренний, так и внешний облик Евномия. Главными его качествами, по словам писателя, были несравненные благоразумие и добродетель. Лицо и фигура Евномия отличались привлекательностью, а слова в его устах были подобны жемчужинам. Даже картавость не портила, по мнению Филосторгия, его речь, а белые пятна на лице придавали его облику особую красоту²³. Историк хвалит сочинения Евномия, особенно его послания, и признается, что он сам в честь Евномия создал похвальное слово²⁴. Преклонение перед Евномием и горячую любовь к своему наставнику, восхищение им Филосторгий пронес через всю жизнь и сохранил до конца дней.

Не менее хвалебно отзываясь Филосторгий об учителе Евномия Аэции. Рассказ об Аэции изобилует красочными жизненными деталями и даже превосходит в этом отношении повествование об Евномии. Родиной Аэция была Келесирия. Он рано потерял отца. Отец его, воин, всю жизнь провел в сражениях, но, потерпев серьезные поражения, попал в опалу, потерял все имущество, конфискованное правительством, и, не выдержав таких суровых испытаний, вскоре умер. После смерти отца юноша Аэций впал вместе с матерью в крайнюю бедность и должен был зарабатывать на жизнь ювелирным ремеслом.

Однако неистребимая тяга к гуманитарным наукам и необычайная одаренность Аэция помогли ему овладеть всеми премудростями как христианского богословия, так и светских наук — грамматики и риторики. Аэций учился в разных городах империи у знаменитых ученых и обнаружил огромный ораторский талант, неизменно побеждая своих противников в богословских спорах. В то же время он занялся врачебным искусством, стал учеником у знаменитого врача Сополиса, познал тайны медицины, чтобы врачевать, по словам Филосторгия, болезни не только душевные, но и телесные. Он был трудолюбив, чужд всякого стяжательства; чтобы заработать на жизнь, он по ночам занимался ювелирной работой, а днем проповедовал свое учение. Больных он лечил безвозмездно, всем оказывая медицинскую помощь.

Сведущий богослов и красноречивый проповедник, Аэций со всей страстностью ересиарха выступал против учения об «единосущии», вел острую полемику с монофиситами; слава его росла на всем Востоке, особенно в Каппадокии, Антиохии и Александрии²⁵. Слух об учености и мудрости Аэция дошел до Евномия, и тот приехал к нему в Александрию. Общность религиозных воззрений сблизила их настолько, что они поселились вместе, и вскоре Евномий стал прилежным учеником Аэция, постигая под его руководством премудрости христианского богословия и ораторского искусства²⁶.

Весь последующий путь трудной религиозной борьбы эти два выдающихся ересиарха прошли вместе, рука об руку. Сложные перипетии политических и религиозных столкновений самым непосредственным образом отражались на судьбе Аэция.

В своей дальнейшей жизни Аэций претерпел взлеты и падения, и милость кесаря Галла, и ссылку и опалу по воле императора Констанция²⁷. Во время спора со сторонниками «единосущия» в Константинополе Аэций выдвинул тезис о том, что сын «безразлично» подобен отцу, чем вызвал гнев императора Констанция. В результате происков врагов — Василия и Акакия — его сослали в Амвладу, местность, отличавшуюся ужасным климатом²⁸. Филосторгий, горячий почитатель Аэция, утверждает,

²³ Ibid., X, 6.

²⁴ Ibid., III, 21.

²⁵ *Philostorge.*, III, 15—17.

²⁶ Ibid., III, 20.

²⁷ Ibid., III, 27; IV, 8, 12.

²⁸ Ibid., V, 1—2.

однако, что тот не только не погиб в ссылке, как рассчитывали его противники, но спас жителей того края от моровой язвы, а Констанций, приняв решение о преследовании Аэция и его сподвижников, понес за это кару божественного провидения, потерпев поражение от персов²⁹. Заподозренный в соучастии в заговоре кесаря Галла, он был сослан христианином Константином и освобожден, как это ни парадоксально, язычником Юлианом. Некоторое время он жил как частное лицо в одном поместье на Лесбосе. Это поместье было подарено ему императором Юлианом в память своего погибшего брата кесаря Галла. Но и здесь Аэций продолжал еретические проповеди местным жителям. Во время восстания Прокопия против императора Валента Аэций чуть не пал жертвой узурпатора. Чудом спасшись, Аэций нашел, наконец, убежище в Константинополе у вождя евномиян и его единомышленников. Здесь он и окончил свои дни на руках Евномия и был похоронен своими сподвижниками с большой пышностью³⁰.

Филосторгий проводит весьма показательное сравнение Евномия и Аэция — двух кумиров евномиянской церкви. Сравнивая Евномия с Аэцием в отношении красноречия, продуманности доказательств и готовности отвечать в споре на любой вопрос, Филосторгий отдает предпочтение Аэцию. «Так и казалось, — говорит он, — что у Аэция все лежало на кончике языка». Зато в смысле и стройности учения, а также чрезвычайной доступности его для учеников явное преимущество — на стороне Евномия³¹.

Образ третьего выдающегося деятеля арианско-евномиянской церкви — Феофила Индийца — окутан у Филосторгия легендарным ореолом. Феофилу, впрочем, как и Аэцию, Евномию и другим сторонникам евномиянского учения, Филосторгий приписывает различные сверхъестественные деяния³².

О жизни Феофила Филосторгий рассказывает много интересного. Еще при императоре Констанции он был прислан в качестве заложника от индийцев с острова Дива, провел многие годы среди римлян, воспринял их культуру, принял христианство по арианскому образцу и сделал блестящую дипломатическую карьеру в империи. Он возглавил христианскую миссию к химьяритам и аксумитам и выполнил ее с большим успехом³³. В борьбе кесаря Галла и императора Констанция Феофил поддерживал первого, был его близким советником и после убийства Галла оказался в ссылке³⁴. По словам Филосторгия, Феофил Индиец был искусным врачом и, вызванный из изгнания, исцелил тяжело заболевшую жену императора Констанция³⁵. Но затем вновь последовала опала и ссылка в Гераклею Понтийскую. Искусный дипломат, врач и проповедник арианства, Феофил Индиец до конца жизни остался сторонником этого учения.

Что касается противников учения Евномия, то к подавляющему большинству их Филосторгий, разумеется, относится с крайней недоброжелательностью. Без всяких прикрас дан у Филосторгия образ непримиримого врага Ария — столь прославленного никейцами Афанасия Александрийского. Он рассказывает, что именно Афанасий виновен в гибели многих своих противников. Так, в результате козней Афанасия был растерзан толпой фанатиков-язычников его соперник Георгий Каппадокийский³⁶. Писатель беспощаден и к другим православным церковным иерархам; перед нами проходят длинной чередой коварный и жестокий

²⁹ Ibid., V, 2—4.

³⁰ Ibid., VI, 7; VIII, 4; IX, 3—6.

³¹ *Philostorg.*, VIII, 18.

³² Ibid., IX, 1.

³³ Ibid., III, 4—6, 11—12.

³⁴ Ibid., IV, 1.

³⁵ Ibid., IV, 7.

³⁶ Ibid., VII, 2.

Афанасий Александрийский, бесстыдный Василий из Анкиры, негодяй и предатель Акакий, нерешительный и слабый Евдоксий, бестолковый Демофил.

Наряду с ярко выраженной религиозно-политической тенденциозностью в сочинении Филосторгия порою обнаруживается известная объективность, стремление правдиво осветить исторические события. Недаром Филосторгий как бы эпиграфом к своей «Церковной истории» избрал дистих, прославляющий любовь историка к истине:

Ἱστορίην ἐτέλεσσα θεοῦ χάριτεσσι σοφῆσι — πράγματ' ἀληθείης ποικίλ' ὑφηνάμενος³⁷

Действительно, наряду с явным прославлением своих героев евномиан Филосторгий иногда проявляет достаточную объективность в отношении сторонников иной религиозной доктрины. Примером справедливой характеристики противников евномиан является, безусловно, похвала Филосторгия таким столпам православия, как Василий Кесарийский, Григорий Назианзин и особенно Аполлинарий из Лаодикеи.

Разумеется, Филосторгий стремится найти уязвимые места в догматических построениях Василия Великого и Григория Богослова. Так, он подчеркивает, что эти отцы церкви якобы не говорили, что сын после воплощения сделался человеком, — он лишь обитал в человеке³⁸. Именно эти положения их учения привели, по его мнению, к отделению от них Аполлинария, хотя и тот впадал в ересь, отрицая воскресение тел людей после Страшного суда³⁹. Но одновременно Филосторгий отдает должное Василию Кесарийскому и Григорию Назианзину. Аполлинария же Лаодикийского в отношении глубины познаний в Священном писании предпочитает обоим. Василий, по мнению историка, заслуживает большей славы, чем Аполлинарий, за созданные им энокмии, а Григорий превосходит обоих плавностью своей речи и силой слова: «В слове он был богаче Аполлинария и тверже Василия»⁴⁰.

Однако при сравнении этих столпов православного вероучения с Евномием объективность вновь покидает Филосторгия. В полемике Василия и Аполлинария с Евномием победа последнего была, по его словам, совершенно очевидной. Василий, прочитав первую книгу его сочинения против православных, настолько был поражен силой аргументов противника, что вскоре умер от скорби. Эта версия Филосторгия, естественно, вызвала негодование Фотия, считавшего ее лживой⁴¹. И действительно, она порождает сомнения, поскольку известно, что именно полемические труды этих отцов церкви нанесли самый чувствительный удар евномианской ереси и способствовали победе православия. Высокая оценка Филосторгием полемических трудов, направленных против евномианского вероучения, и похвала их авторам, конечно, в какой-то степени свидетельство его объективности. Но нельзя забывать и о том, что и Василий Кесарийский, и Григорий Назианзин пользовались в среде христианской интеллигенции значительной известностью. И победа над столь знаменитыми противниками доставляла не меньшую славу их победителю Евномиию. Особое же восхищение Филосторгия Аполлинарием может быть объяснено тем, что тот охладел к Василию и Григорию и даже разошелся с ними во взглядах, и это показывало опять-таки правоту евномиан.

С позиций своей религиозной партии Филосторгий оценивает и деятельность правителей империи. Защитники православия не заслуживают его похвал, сторонники же арианства или колеблющиеся в вероисповедании получают, разумеется, более позитивную оценку.

³⁷ Ibid., Praef. Объективность Филосторгия и правдивость его сочинения были отмечены Биде (Ibid., S. 1).

³⁸ Philostorg., VIII, 13.

³⁹ Ibid., IV, 13.

⁴⁰ Ibid., VIII, 11.

⁴¹ Ibid., VIII, 11.

Особенно ярко это проявляется в характеристике императора Константина. Филосторгий, являясь продолжателем «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, вместе с тем дает совершенно иную оценку деятельности Константина, чем отец церковной истории Евсевий. Идеализированному и героизированному образу первого христианского императора, созданному Евсевием, противостоит у Филосторгия полнокровный, жизненно правдивый в своей противоречивости портрет этого правителя империи. В «Житии Константина», восходящем к Филосторгию, этот император соединяет в своем лице нового Нерона с благочестивым, хотя порою заблуждающимся монархом.

В «Житии Константина» этот прославленный герой вовсе не окружен ореолом святости. Напротив, он предстает перед нами столь же грубым и решительным, сколь умным и проницательным. Очень практичный и деятельный, Константин, согласно житию, отнюдь не был щепетильным в выборе путей и средств для достижения цели. Когда ему было нужно, он мог казаться честным, мягким, полным доброжелательства. Но в глубине души он был хитрым и скрытным и мог совершенно неожиданно стать свирепым и беспощадным и нанести смертельный удар противнику. В изображении жития Константин был прежде всего человеком действия. Образ Константина дается в динамике, показана его внутренняя эволюция.

Филосторгий оценивает Константина отнюдь не однозначно. Он видел и его достоинства, но не скрывал его пороков и злодеяний. Поэтому версия Фотия, что Филосторгий намеренно чернил Константина и видел в нем лишь отщепенца, осужденного на вечное проклятие, не выдерживает критики и опровергается «Житием Константина».

Филосторгий признает, что, когда император шел к власти, ему сопутствовало счастье и покровительство провидения, дарившего ему победы. Когда же Константин пошел по пути злодеяний и вероломно избавился от многих своих родных и друзей, ставших для него помехой, он, по словам Филосторгия, возродил кровавые времена Нерона. Он дважды разоблачает кровавые семейные тайны этого правителя. Один раз он говорит, что Константин убил собственного сына Криспа, оклеветавшего мачеху, потом и ее саму, обнаружив ее прелюбодеяние с одним придворным из сословия всадников, повелел удушить в банном жару⁴². В другом месте арианский историк, приводя диалог между императором Юлианом, всячески поносившим Константина за принятие христианства, и мучеником Артемием, защищавшим Константина, хотя и не отрицает этого убийства, но уточняет его причину: «Жену же Фавсту он предал смерти совершенно справедливо, потому что она, подражая древней Федре, клеветала на сына его Приска⁴³, будто он питал к ней страсть и намеревался совершить над ней насилие, подобно тому как и та [клеветала] на Ипполита, сына Тезея. В согласии с законами природы отец почувствовал отвращение к сыну, но впоследствии, узнав истину, предал смерти и жену, приговорив ее к наказанию, самому справедливому из всех»⁴⁴. Филосторгий не утаивает и того, что Константин был отравлен своими братьями⁴⁵.

Вызывает критику историка и церковная политика императора Константина. Поддержка, оказываемая этим правителем сторонникам православия, привела, по мнению Филосторгия, к беспорядкам в церкви. Но Константин, избавившись от заблуждений, в частности, в отношении Ария и его друзей, отменил решения Никейского собора и поддержал евномианина Аэция. Естественно, подобная эволюция церковной политики императора вполне импонирует Филосторгию.

⁴² *Philostorg.*, II, 4.

⁴³ Здесь у Филосторгия ошибка, надо читать Криспа.

⁴⁴ *Philostorg.* Apologie des Christentums gegen Kaiser Julian, 45.

⁴⁵ *Philostorg.*, II, 4.

Образ императора дополняется у Филосторгия яркими конкретными деталями. Подчеркивая мужество Константина, Филосторгий рассказывает об опасности, которой он избежал, оказавшись на арене перед дикими зверями, но дает этому случаю не мистическое, а вполне реальное объяснение; он поясняет, что Константин служил в молодости в императорской гвардии и, подобно его сотоварищам, принимал участие в праздниках, выступая в цирке, где демонстрировал перед народом свою силу и умение сражаться с любым противником. Однако покров мистицизма не был полностью сорван Филосторгием с императора Константина. Знаменитая сцена с чудесным знаменем огненного креста, появившегося на небе перед победой Константина над Максенцием, рисуется в житии поэтично, с глубокой верой в подлинность чуда. Описание события необычайно живописно. В ночь перед сражением автор рисует Константина с тревогой вглядывающимся в окружающую темноту и пытающимся представить себе силы своего противника. И в то время, когда среди глухого ропота в стане врага император услышал звуки воинской трубы и перекличку стражи, он в тоске, которую на него навевали неизвестность и эти ночные звуки, стал усердно молить Христа подать ему ободряющий знак; тогда-то в непроглядной тьме на небе возник огненный крест и буквы «сим победиши».

Версия этого чуда, приведенная у Филосторгия, близка к рассказу Лактанция, но отличается от традиционного описания Евсевия, согласно которому чудесное знамение явилось в полдень, в ярких лучах солнца, а не во тьме ночи. В новом «Житии Константина» традиционный рассказ Евсевия представлен в обновленном виде и в литературной манере, свойственной Филосторгию. Этот памятник представляет интерес как для более полного понимания мировоззрения Филосторгия, так и для более всесторонней оценки личности самого императора Константина. Портрет Константина, данный в этом житии, сильно отличается от благочестивого изображения Константина Евсевием, и в этом нашло отражение значительное изменение социально-политической атмосферы в империи. В то время как панегиристы императора, такие, как Праксагор, Бемарх, Либаний и другие языческие риторы, равно как и христианские агиографы, создав в своих панегириках идеальный образ героя, охотно скрывали некоторые компрометирующие факты из его жизни, Филосторгий, находясь в оппозиции, считал возможным для себя открыто критиковать Константина. Этот памятник передает дух времени, эволюцию настроений в среде христианско-еретической интеллигенции империи, атмосферу переоценки традиционного образа первого христианского императора, в результате которой были нарушены каноны житийного жанра, созданного столетие назад Евсевием Кесарийским.

Для политической позиции Филосторгия не менее показательна его характеристика императора Феодосия Великого. Феодосий покончил с языческим культом, и за это, пишет историк, бог вознаградил его военными успехами⁴⁶. Филосторгий, однако, сообщает, что Феодосий был человеком невоздержанным, преданным неумеренной роскоши, из-за чего и умер от водянки. Феодосий отлучил от церкви ариан — истинно верующих, и незадолго до его смерти на небе появилась комета в виде огненного меча — верный знак грядущей кары. Не успел Феодосий закрыть глаза, как в империи начался длинный ряд предсказанных в Священном писании бедствий. Картина бедствий империи после смерти императора Феодосия Великого, нарисованная Филосторгием в конце его книги, исполнена фанатической экзальтированности, жизненной правды и мрачного величия. Фальшивые пророки бесчинствуют, в церкви только и слышится их богохульство. А на императорском троне один вырождающийся правитель сменяет другого. Все губит постыдный фаворитизм⁴⁷.

⁴⁶ *Philostorg.*, XI, 2.

⁴⁷ *Ibid.*, S. CXXVII.

Принадлежа к оппозиционной церковной партии, Филосторгий смело и открыто критикует имперское правительство. Портреты императоров, написаны правдиво, откровенно, без всяких прикрас. Так, например, император Аркадий изображается на основе личных наблюдений автора, которому довелось его видеть в Константинополе: «Аркадий рост имел малый, тело сухощавое, силы слабые, лицо смуглое. Вялость его души обличалась речью и выражением глаз, которые у него сонливо и болезненно закрывались»⁴⁸. Лишь однажды хилый и вялый правитель проявил энергию, когда расправился с временщиком Евтропием, оскорбившим императрицу, жену Аркадия⁴⁹. Однако во время борьбы различных узурпаторов за императорский престол историк всегда остается на стороне законного наследника трона. «Божественное правосудие, — пишет он, — ясно показывает, что оно не допускает беспорядка и не любит тиранов; а кто защищает законного царя, тому и оно помогает»⁵⁰.

Вместе с тем ни в одной церковной истории нет столь мало приукрашенных портретов преемников Феодосия Великого, какие встречаются в произведении этого еретика. Он не скрывает вялости Аркадия, как и дерзости Евдоксия, бездарности и жестокости Валента⁵¹, мрачного нрава и нерешительности узурпатора Прокопия⁵². Сочинение Филосторгия отнюдь не написано в расчете на то, чтобы угодить великим мира сего.

Если критике арианского писателя подвергались даже императоры-христиане, но иного религиозного толка, чем он, то понятно, с какой ненавистью обрушивается наш историк на язычника императора Юлиана.

По накалу эмоций и силе обличения участие, принятое Филосторгием в полемике против язычества, было неизмеримо более действенным, нежели роль, сыгранная в этом деле ортодоксальными церковными историками (за исключением лишь Евагрия). В то время как у Филосторгия согласно его внутреннему убеждению, этой полемике отведено весьма важное место, у ортодоксальных церковных историков спор с язычниками выглядит лишь как традиционный элемент, свойственный христианской историографии.

Филосторгий посвятил особое сочинение опровержению язычества и критике правления Юлиана. Это сочинение облечено в форму описания мученичества Артемия — жертвы гонений против христиан при императоре Юлиане⁵³. Немало места борьбе с язычеством отводится и в «Церковной истории» Филосторгия. Кроме того, Филосторгий написал особое сочинение против языческого философа Порфирия в защиту христиан. К сожалению, это сочинение не сохранилось, но о нем упоминает сам автор в своей «Церковной истории»⁵⁴.

Император Юлиан ненавистен писателю, он его тревожит, отталкивает и в то же время притягивает. Филосторгий признает, что Юлиан вызвал из ссылки евномиан, в том числе Аэция⁵⁵. Но в дальнейшем, восстановив язычество, он обманул надежды еретиков и причинил христианам несказанные бедствия; язычники подвергали христиан разного рода мучениям, пыткам и жестоким казням⁵⁶. Филосторгий пишет о коварстве и неискренности Юлиана: оставаясь для виду в стороне от религиозных споров, Юлиан злорадно разжигал религиозную рознь среди христиан — для посрамления христианства, что и было тайной целью Отступника⁵⁷. Преследования мученика Вавилы и других христиан

⁴⁸ Ibid., XI, 3.

⁴⁹ Ibid., XI, 6.

⁵⁰ Ibid., XII, 6.

⁵¹ Ibid., IX, 15.

⁵² *Philostorg.*, IX, 5.

⁵³ *Philostorg.*, Anhang I, S. 151—157; Anhang II, S. 158—165; Anhang III, S. 166—175.

⁵⁴ *Philostorg.*, X, 10.

⁵⁵ Ibid., VI, 7.

⁵⁶ Ibid., VII, 1.

⁵⁷ Ibid., VII, 4.

принесли лишь позор Юлиану и славу мужественным защитникам христианства ⁵⁸.

Собирая рассказы христиан, иногда баснословные, Филосторгий доказывает, что все начинания Юлиана терпели крах. У поруганной язычниками статуи Спасителя верующие чудом спасли голову ⁵⁹. Иудеи, пытавшиеся с помощью Юлиана и вопреки предсказаниям Христа восстановить храм в Иерусалиме, не смогли этого сделать из-за чудесного вмешательства провидения ⁶⁰. Все, кто при Юлиане переходил в язычество, терпели позднее от судьбы самое страшное наказание ⁶¹. Языческие прорицания в пользу Юлиана не сбывались ⁶². Меры Юлиана против христианского клира не достигали цели ⁶³.

Персидский поход Юлиана автор расценивает как роковую ошибку, вызванную его верой в ложные предсказания языческих прорицателей, суливших ему победу и прославлявших его непобедимую силу. Неудачу похода он объясняет тем, что легковверный правитель был обманут посланным к нему стариком персом, который завел Юлиана и его войско в пустыню и помог персам нанести им поражение ⁶⁴. Филосторгий принимает версию гибели Юлиана в сражении от раны в живот, нанесенной воином-арабом. Рана была смертельна, и даже прекрасный врач Оривазий из Сард, бывший при императоре, не смог его спасти. Последние минуты Юлиана описаны Филосторгием в разных его сочинениях по-разному. В «Церковной истории» он рассказывает, что, умирая, Юлиан проклинал языческих богов и, брызгая кровью, струящейся из раны, говорил солнцу: «Насыться!». Фотий, передавая этот рассказ, тут же подвергает его сомнению, ибо большая часть историков утверждает, что последние слова Юлиана адресовались не солнцу, а Иисусу Христу ⁶⁵. Действительно, сам Филосторгий в «Мученичестве Артемия», используя, по-видимому, другие источники, передает именно эту версию кончины Юлиана. Согласно этой версии, Юлиан, впав в безумие, собрал в руку собственную кровь и, брызнув ею в воздух, при последнем издыхании вскричал: «Ты победил, Христос! Насыться, Галилеянин!» ⁶⁶.

Обобщенное представление о полемике христиан и язычников при Юлиане содержится в «Мученичестве Артемия» Филосторгия. Из обширного материала, собранного автором, можно воссоздать аргументацию борющихся сторон. Весьма показательным для идейной атмосферы той эпохи является использование как язычниками, так и христианами аргументации, почерпнутой из арсенала античной философии и науки. Обе стороны прекрасно знают не только Священное писание, но и Эрмия (Гермеса) Трисмегиста, Пифагора, Орфея, Платона, античную историю и мифологию.

Красочно описан диспут Юлиана с христианскими иерархами в Антиохии. Спор шел о природе Христа. Юлиан оспаривал тезис христиан о вечности Христа, христиане — концепцию, что в отношении воплощения Христа в человека можно говорить о его временности, но что касается проявления его божественной природы, то к ней приложимы только понятия вечности и предвечности. Юлиан с насмешкой отверг эту идею, ведущую к представлению о том, что Христос родился дважды, и привел пример Эрмия Трисмегиста и Пифагора, которые, согласно языческому представлению о переселении душ, родились трижды. Христиане пари-

⁵⁸ Ibid., VII, 6—9.

⁵⁹ Ibid., VII, 3.

⁶⁰ Ibid., VII, 14.

⁶¹ Ibid., VII, 10, 13.

⁶² Ibid., VII, 12, 15.

⁶³ Ibid., VII, 4.

⁶⁴ Ibid., VII, 15.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ *Philostorg., Passio Artemi*, 69.

ровали этот аргумент, обнаружив хорошие знания античной философии ⁶⁷. Возмущенный познаниями пресвитера Антиохийской церкви Евгения в античной философии, Юлиан в гневe якобы воскликнул: «Клянусь вождеденнейшим для меня, блистающим золотыми лучами и всемирным солнцем, что не позволю безбожному христианскому роду учиться греческим наукам» ⁶⁸. Отослав мученика на казнь, Юлиан вскоре действительно издал эдикт о запрещении христианам получать классическое образование в языческих школах.

С другим мучеником, Макарием, и самим Артемием Юлиан вед спор об оценке императора Константина: Юлиан резко нападал на этого правителя его оппоненты защищали императора в духе христианской традиции ⁶⁹.

И Артемий в споре с Юлианом также обнаруживает глубокие познания в античной науке. Так, он опровергает обожествление Юлианом солнца на основании того, что Анаксагор называл солнце раскаленным камнем. Этот тезис восприняли и его ученики Архелай и Перикл, Сократ и Платон, а Юлиан, который сам принадлежит к платонической школе, должен знать это ⁷⁰. Но, находясь, по словам историка, под влиянием бесед с философом Максимом из Ионии, Юлиан отверг все аргументы Артемия ⁷¹.

Филосторгий, принадлежавший к оппозиции правительству, с гораздо большей свободой говорит о бедах и несчастьях, обрушившихся на Римскую империю. Сторонники обоих крайних течений — никейцы и ариане-евномииане — с ожесточением отвергали всякие компромиссы и были настроены против расчетливых действий политиков и придворных церковных иерархов. Они решительно выступали против вмешательства императоров в догматические дела церкви. Нередко представители этих течений оказывались в какой-то мере единомышленниками, ибо гордые сановники и придворные дамы из окружения Констанция, лстивые иерархи, лавировавшие в своей политике, в равной степени не пользовались благосклонностью ни со стороны друзей Филосторгия, ни со стороны приверженцев Никейского собора.

Бескомпромиссная позиция Филосторгия, его беспощадное описание всех язв и бед империи некоторые исследователи связывают с влиянием на него Апокалипсиса и идей хилиазма. Действительно, Филосторгий в отличие от Сократа, Созомена и Феодорита Кирского более трагично воспринимал историческую действительность своего времени. Влияние на него мрачных и суровых идей Апокалипсиса было значительным.

Историк пишет, что в его время вся земля, как иногда в прошлом, была охвачена кровавыми войнами, убийствами, гибелью народов. Европа, Азия и Африка захлебнулись в крови, и города их превратились в руины. Жители, уцелевшие от нашествия варваров, гибли от чумы, голода, землетрясений, пожаров и наводнений, града и стужи и других разбушевавшихся стихий ⁷². Эти грозные события, охватившие всю империю, в изображении Филосторгия выглядят как исполнение пророчеств Апокалипсиса. В этом смысле сочинение Филосторгия примыкает ко всей сложившейся в христианской литературе системе интерпретации, в эсхатологическом духе, видения Даниила. Идеи Апокалипсиса, однако, выполняют у Филосторгия различные функции и не всегда направлены против одних и тех же порицаемых христианами сил: то писатель использует их против враждебной ему ортодоксальной церкви, то против христианской империи и православных императоров, то против язычества.

⁶⁷ Ibid., 15—30.

⁶⁸ Ibid., 31.

⁶⁹ Ibid., 33—34, 41—43.

⁷⁰ Ibid., 47.

⁷¹ Ibid., 48.

⁷² *Philostorg.*, X, 11; XI, 7; S. CXVI—CXX.

В трудах Филосторгия наблюдается влияние мистических идей и представлений. Вся «Церковная история» Филосторгия и другие его произведения проникнуты верой в чудеса. В этом сказывается воздействие на нашего автора христианской эсхатологической литературы. Но одновременно мистические настроения Филосторгия в какой-то степени смыкаются с мистическими учениями и языческих мыслителей, подобных Ямвлиху и самому Юлиану Отступнику. Здесь, по-видимому, прослеживается взаимопроникновение и смешение мистических идей языческой и христианской философско-религиозной мысли, когда мир, природа, жизнь человека воспринимаются как мистическое проявление воли божества. Воля божества приоткрывает людям завесу будущего через различные знамения: на небе вспыхивают огненные кресты, появляются фантастического вида кометы и метеоры ⁷³.

Филосторгий не только верит в существование рая, но и красочно описывает его местонахождение ⁷⁴. Филосторгий не отрицает значения естественных наук и, как мы видели, даже обнаруживает в них значительные познания. Он признает возможности классификации явлений природы, животных и растений, но для него непреложной истиной является скудость и шаткость человеческих познаний и расчетов в сравнении с высшей волей божества. По его мнению, бог создал природу не для удовлетворения любопытства высокомерных ученых, а для назидания простых и верующих человеческих душ.

В отношении стиля и языка своих сочинений Филосторгий производит впечатление талантливого и образованного писателя. Своеобычность и оригинальность художественного изображения мира особенно ярко проявилось в его новом «Житии Константина». В отличие от Евсевия Памфила, писавшего и свою «Церковную историю» и панегирики Константину в строгой и сухой манере, Филосторгий создал настоящие произведения искусства. Он значительно меньше, чем Евсевий, заботится о достоверности и документальности своих сочинений, зато придает огромное значение их литературной форме, думая прежде всего об эмоциональном воздействии на читателя.

Писатель нередко заставляет своих героев произносить речи, вести диалоги; он часто и свободно вводит в повествование косвенную речь и очень внимательно относится к стилистической обработке каждой фразы. Он стремился привлечь симпатии читателя живописностью своего рассказа, широко охватом событий и их разнообразием.

Несмотря на христианскую окраску, произведения Филосторгия в сущности являются продолжением с точки зрения стиля античного жанра истории, основателем которого был знаменитый ионийский рассказчик Геродот. Этот великий историк, создавший для Греции своего рода модель исторического сочинения, во многом продолжал оставаться образцом и для арианского писателя Филосторгия ⁷⁵.

Даже Фотий, осуждавший Филосторгия за «еретические заблуждения», признает его незаурядный литературный талант. Сравнивая Филосторгия с многословным, тяжеловесным и цветистым Филиппом Сидским, автором многотомной «Христианской истории», Фотий отдает пальму первенства арианину. Филосторгий, по его словам, обладал изяществом, которого так не доставало Филиппу Сидскому. Филосторгий, подчеркивает Фотий, умело владел образным и поэтическим строем изложения, его слог приятен, и даже когда он поучает, его изречения носят печать только ему свойственной художественной манеры ⁷⁶. Вместе с тем повествование его не лишено излишней вычурности, отражавшей вкусы его времени.

⁷³ Ibid., X, 9.

⁷⁴ Ibid., III, 10—11.

⁷⁵ Ibid., S. 374.

⁷⁶ Ibid., S. 375—376.

Подводя итоги, мы полагаем, что Филосторгия действительно можно назвать подлинным историком, который, несмотря на явную евномианскую тенденцию, в достаточной степени заботится и о достоверности изложения, и о критике источников. Хороший стиль, широкие интересы писателя положительным образом выделяют его по сравнению с другими церковными писателями, особенно с Феодоритом Киррским. У Филосторгии нет утонченности Созомена, но в его сочинениях есть правда жизни. Герои его исторического повествования не трафаретны, они предстают перед читателем в их сложном своеобразии, со своими страстями, стремлениями, расчетами и интригами. Уже одной галереи портретов «Церковной истории» достаточно, чтобы признать Филосторгия талантливым писателем и незаурядным историком. Известия о светской истории империи отличаются разнообразием, хотя и являются как бы негативным изображением по сравнению с изложением ортодоксальных историков. Правда, как и для других церковных историков, критерием оценки всех церковных и светских событий, всех правителей империи также является правосознание, но истолкованное в евномианском духе. Бесспорно, Филосторгий приоткрывает для нас завесу над плохо сохранившейся еретической литературой, дает возможность глубже понять мировоззрение еретиков-ариан, составлявших в его время большую часть населения империи. Это, безусловно, значительно повышает ценность его сочинений.